

Д.и.н., зав. Центром истории войн и геополитики ИВИ РАН

М.Ю.Мягков (Москва)

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И ВОПРОС О ПОСЛЕВОЕННОМ УСТРОЙСТВЕ ЕВРОПЫ

С середины 1942 г. внимание всех воюющих держав было приковано к гигантской битве, развернувшейся на Волге у стен Сталинграда. Немцы рвались к Кавказу, и, казалось, вновь смогли поставить Красную Армию на грань поражения. Американские и британские оценки дальнейших возможностей советских вооруженных сил вновь, как и в 1941 г., стали противоречивыми.

О возможностях Красной Армии оборонять Кавказ и Сталинград говорилось и в информационном докладе Объединенного разведывательного подкомитета в Лондоне начальникам штабов англо-американских союзников от 14 ноября 1942 г. В докладе утверждалось, что русские могут удержать за собой Южный Кавказ в период ноября 1942 – апреля 1943 г., даже если немцы оккупируют весь Северный Кавказ, включая Махачкалу. Подчеркивалось, что «русские располагают достаточными силами, чтобы встретить германское наступление... Характер территории, погодные условия также будут способствовать ведению жесткой обороны. Моральное состояние Красной Армии укрепилось. Возможность проявления враждебных действий со стороны местных жителей находится под контролем». Военные разведчики делали вывод: «советские войска не дадут немцам прорваться через главный Кавказский хребет по крайней мере до апреля 1943 г...»¹.

Более того, еще в октябре 1942 года аналитики из военного ведомства США подготовили для ближайшего помощника Рузвельта Г. Гопкинса записку, в которой содержались следующие оценки: «...2. Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в

конечном счете, она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире... 6. Если союзники победят, Россия будет одной из трех самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание. Далее, после войны потребности России в американской продукции будут попросту колоссальными... Из вышесказанного представляется очевидным, что отношения с Советским Союзом имеют более важное для нас значение, чем отношения с любой другой страной, за исключением только Соединенного Королевства...»² Как свидетельствовал Р. Шервуд, мысли, высказанные в этой записке «блестяще отражали взгляды самого Гопкинса на отношения с Советским Союзом»³.

Однако, несмотря на наличие достоверной информации о потенциале Красной армии и выводы об укреплении ее обороноспособности, какие-либо прогнозы о возможностях стратегического контрнаступления советских фронтов в районе междуречья Дона и Волги, которое привело к окружению 330-тысячной германской группировки под Сталинградом, а затем и к быстрому изгнанию немцев с Северного Кавказа, Ставрополья и Кубани, в разработках американских аналитиков отсутствовали.

Конец 1942 г. – время начала советского контрнаступления под Сталинградом стало знаковым событием, которое подвигло политическое и военное руководство США и Великобритании к окончательному признанию того факта, что отношения с Советским Союзом имеют важнейшее значение для всего дальнейшего хода войны и ее результатов. После того как немцы были откинута на сотни километров на запад на Восточном фронте, а в ноябре 1942 г. в Северной Африке высадился мощный американско-английский десант, на повестке дня вашингтонских политиков встал вопрос о развитии и укреплении союзных отношений с Москвой, необходимость

которых была обусловлена не только совместной борьбой против общего врага в лице Германии, но и расчетами на вступление СССР в войну с Японией. В Вашингтоне также понимали, что без участия все более набирающей силы и международный авторитет России теперь невозможно серьезно обсуждать какие-либо решения о создании прочного фундамента безопасности в послевоенное время, вопросы о будущем многих европейских стран, прежде всего, Германии.

Уже 2 декабря 1942 г. Рузвельт направил послание Сталину, в котором просил его рассмотреть возможность трехсторонней встречи в середине января для обсуждения не только насущных военных вопросов, но и мероприятий, которые должны быть предприняты в случае коллапса Германии⁴. Он предлагал место в Северной Африке, и мы знаем, что вскоре Рузвельт и Черчилль, действительно встретились в Касабланке (Марокко) для переговоров о дальнейшей стратегии войны. Однако в тот момент Сталин отказался, ссылаясь на необходимость неотрывного руководства наступательными операциям⁵. Действительно, в то время под Сталинградом, на Кавказе и в центральном секторе советско-германского фронта шли тяжелейшие и кровопролитные бои. Решалась судьба всей зимней кампании.

В январе 1943 года Рузвельт, выступая на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената подчеркнул, что «Самые большие и самые значительные изменения во всей стратегической обстановке произошли в 1942 г. на громадном советско-германском фронте... Объединенные нации могут и должны оставаться объединенными и после войны для поддержания мира и предотвращения новых попыток со стороны Германии, Японии, Италии, либо другой какой-либо нации подвергнуть насилию десятую заповедь – «Не пожелай дома ближнего твоего»⁶.

Однако, после сталинградской победы в оценках Рузвельта будущего взаимодействия с Москвой появились элементы сомнения и тревоги. Как представляется, Рузвельт, еще не разу не встречавшийся с советским лидером

и не имевший с ним личных доверительных контактов, стал опасаться, что поднимающаяся Россия адаптирует в Европе политику односторонних действий. И эта политика будет идти вразрез с интересами Запада. В окружении Рузвельта были и очень влиятельные силы, которые не одобряли его курса на сближение с Москвой. 22 февраля 1943 г., излагая перед представителями Госдепартамента свой взгляд на перспективы создания мировой системы безопасности, Рузвельт, по свидетельству присутствовавших, был «очень обеспокоен вопросом о России». Констатировалось, что «...с одной стороны, президент придерживается мнения, [что]... фактически весь мир должен быть разоружен за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но, с другой стороны, президент с большой похвалой отзывается о плане Буллита * основанном на недоверии к Советскому Союзу, и согласно которому вся Европа западнее СССР должна быть организована как единый хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией и беспокоится за будущее развитие событий...»⁷

В тот период У. Буллит представил президенту целый ряд меморандумов, в которых настаивал на проведении жесткой линии к СССР. Он подчеркивал, что «Европа, управляемая из Москвы, была бы такой же угрозой, как и Европа, управляемая из Берлина» и предлагал, по сути, то же самое к чему стремился и Черчилль – опережающее вторжение западных союзников в Восточную Европу и на Балканы. Тем самым, были бы убиты сразу два зайца – повержена Германия и предотвращено вхождение советских войск на территорию европейских стран⁸.

Но Рузвельт был убежден в первостепенной необходимости одержать победу над наибольшим злом, угрожающим всему миру и человеческой

* Буллит У. (1891-1967) – американский дипломат, посол США в СССР (1933-1936), посол США во Франции (1936-1941), специальный представитель президента США на Дальнем Востоке (1941), помощник секретаря Военно-морского министерства (1942-1943).

цивилизации. Коммунизм не представлялся ему столь опасным, поскольку, концентрировал, как он полагал, свои усилия на пропаганде, тогда как нацизм – на принуждении и силе⁹. Рузвельт желал скорейшего налаживания личных контактов со Сталиным, в ходе которых возможно договориться о создании постоянно действующей мировой организации. Он был полон решимости убедить советского лидера, что такая организация будет наилучшим образом отвечать интересам СССР. «Я ставлю на этот реализм [Сталина]. Он должен устать сидеть на штыках» - так, однажды, президент высказал свою мысль о сотрудничестве с СССР в разговоре с личным врачом Р. Макинтайром¹⁰. Рузвельт рассчитывал и на будущее участие СССР в войне против Японии, которое также гарантировало сокращение потерь западных союзников, прежде всего американских войск, в боевых действиях на Азиатско-Тихоокеанском ТВД.

На встрече 22 февраля 1943 г. президент в сжатом виде затронул и вопросы, будущего ряда европейских государств. Его суждения, отложившиеся в памятных записках, хранящихся в Национальном архиве США, были довольно откровенны: «Он не знает, что делать с Францией. Восточная Пруссия должна отойти к Польше. В отношении Норвегии, Дании и Голландии нет никаких проблем. Вопросы к Бельгии в основном из-за ее короля. Югославия возможно должна быть разделена. Возможно, будет образовано государство Сербия во главе с королем Петром, а в Хорватии проведен плебисцит. Пруссия должна быть отторгнута от остальной части Германии. Франция должна лишиться Индокитая, но его новый статус пока под вопросом. Президент, - говорилось далее, - очень обеспокоен вопросом о России.

Относительно международной организации президент думает следующее: мирной конференции быть не должно, поскольку все мирные вопросы будут разрешаться четырьмя странами (четырьмя великими державами). Женева более не должна быть местом заседаний международной

организации – такого постоянного места вовсе не должно быть»

Суждения Рузвельта можно добавить примечанием к документу Комитета по послевоенным международным отношениям Госдепартамента от 26.02.43: «м-р Дэвис информировал членов Комитета о том, что Президент изменил свое отношение к Франции. До высадки в Северной Африке Президент придерживался мнения о необходимости разоружения Франции. Но теперь он обдумывает следующий вопрос – что случится, если Франция и Германия будут разоружены, а Россия останется вооруженной и не согласится сотрудничать с США, Великобританией и Китаем в деле поддержания мира?»¹¹.

Казалось, что вопрос идет только о доверии между союзниками. Но так ли безупречны стандарты, в рамках которых действовал президент? Америке предстояло вести достаточно грамотную игру, чтобы, во-первых, добиться скорейшего разгрома нацистской Германии и, во-вторых, не допустить при этом чрезмерного усиления позиций России на европейском континенте.

Решение многих проблем будущего устройства Европы было тесно связано с подготовкой англо-американскими силами вторжения на континент через пролив Ла-Манш. Известно, что в первой половине 1943 г. проблема второго фронта вызвала самые серьезные разногласия между союзниками по Антигитлеровской коалиции. В целом, на протяжении 1941-1944 гг. она занимала первостепенное место во взаимоотношениях СССР с США и Великобританией, и на некоторых этапах боевых действий 1941-1943 гг. имела для Советского Союза критическое значение. Так было в ходе Московской битвы, а затем и в битве за Сталинград. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. наступления союзников во Франции не будет¹².

В мае 1943 г. Рузвельт официально сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта с 1943 на 1944 г. Все эти события

происходили на фоне разрыва Москвы с польским эмигрантским правительством в Лондоне и сокращения поставок в СССР по ленд-лизу. Напряжение нарастало, и стороны сделали ряд резких заявлений. Видимо не случайно в начале 1943 г. в Госдепартаменте, Управлении стратегических служб, других государственных и разведывательных ведомствах США широкое распространение получили «сведения» о вероятном выходе России из войны и заключении Москвой сепаратного мира с Германией. Основанием для подобных гипотетических предположений являлся факт отсутствия в Европе второго фронта и опасение, что СССР больше не захочет проливать кровь своих солдат, так как плодами его победы могут воспользоваться окрепшие и не понесшие серьезных потерь западные союзники. Можно предположить, что некоторые из подобных оценок, разработанные в УСС, безусловно, достигали внимания Рузвельта по причине достаточно близких отношений У. Донована (директора УСС) с американским президентом.

В то же время в ряде государственных и общественных учреждений США летом 1943 г. обсуждались варианты наводнения советскими армиями всей Европы как прелюдии к третьей мировой войне¹³. Некоторые американские аналитики даже полагали, что, запрашивая от США важнейшие военные материалы, Москва тем самым преднамеренно ослабляла вооруженные силы США. Якобы Советы скрывали до сталинградской победы свой истинный военный потенциал, поскольку стремились сохранить в тайне свои экспансионистские устремления на европейском континенте¹⁴.

Однако, как отмечает современный американский исследователь истории ленд-лиза профессор Ван Тулл: «счастливым совпадением являлся тот факт, что военные грузы, поставляемые в СССР, были, прежде всего, необходимы именно на Восточном фронте, но не являлись предметами острой нехватки в Соединенных Штатах»¹⁵. Действительно, танки, самолеты, грузовики, приборы связи, промышленные станки, алюминий, провизия,

поступавшие в СССР в годы войны усилили мощь Красной Армии, сделали ее более маневренной. В то же время, в самые критические годы войны – 1941-1942 – руководители Соединенных Штатов и Великобритании делали все от них зависящее для модернизации вооружения и повышения боевой готовности именно своих сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил.

В сложившейся ситуации нельзя не придти к выводу, что обе стороны (СССР и США) подозревали друг друга в нечестной игре. Если Рузвельт прислушивался к советам Буллита, видевшим в России источник коммунистической экспансии, то Сталин имел основания задуматься о причинах постоянных отсрочек десантной операции во Франции. Устранить подозрения, добиться большего взаимопонимания, скорректировать стандарты поведения в рамках единой коалиции возможно было только в результате личной встречи лидеров союзных держав.

Дискуссии о том, как могут строиться будущие взаимоотношения с СССР развернулись в то время во многих правительственных и военных учреждениях США. После Сталинградской битвы в Госдепартаменте активизировали свою работу комитеты и подкомитеты, занимавшиеся вопросами прогнозирования роли Америки и других стран в послевоенном мире. Со своей стороны, в Москве также следили за своими союзниками, их военными приготовлениями и политическими решениями. Чуть позднее, осенью 1943 года, при НКВД была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол в США М. Литвинов (т.н. «комиссия Литвинова»).

Мнения чиновников и аналитиков США о перспективах сотрудничества с СССР в решении послевоенных вопросов были довольно различны. Необходимо выделить аналитические записки о России, которые

ложились в то время непосредственно на стол президента. В этой связи обращает на себя внимание доклад Исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США, подготовленный 20 августа 1943 г., – специально для Квебекской конференции руководителей США и Великобритании 1943 года. Доклад назывался «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?». Аналитики УСС отмечали, что самой главной целью Соединенных Штатов, равно как и России, является их собственная безопасность. «Цели США в войне не противоречат минимальным требованиям СССР, но они находятся в явном противоречии с его возможными максимальными требованиями, то есть с советизацией Европы и доминированием в ней». В отношении России УСС отмечало существование трех возможных альтернативных линии поведения США: 1) Немедленное достижение компромисса с Россией, устранение существующих противоречий; 2) Следование такой политике, которая не зависит от политики и стратегии СССР; и 3) «Мы стараемся повернуть против России все силы пока еще не разгромленной Германии, которая будет управляться либо нацистами, либо генералами...».

К чести составителей документа третий вариант стратегии – о замирении с Гитлером – они отклонили. Отмечая большую вероятность того, что «к моменту окончания военных действий Россия будет иметь в Европе силы значительно большие, чем у США, Великобритании и их союзников вместе взятых», аналитики выдвигали вариант наиболее разумной политики: скорейшее начало боевых действий в Западной Европе, что было бы выгодно не только США, но и России; совместная оккупация Германии; участие СССР в войне против Японии и т.д. В заключение указывалось, что политика компромисса с Россией «может иметь огромные положительные результаты... Обязательным условием проведения такой политики является твердое согласие на открытие нами боевых действий в Западной Европе. Если же компромисса достичь не удастся, то Америке и Великобритании не останется ничего другого, как преследовать свои собственные цели, не

зависимо от позиции Советского Союза. Однако и в этом случае открытие боевых действий в Западной Европе не может быть предметом для обсуждения»¹⁶

Весну-лето 1943 года можно датировать как время, когда Рузвельт внутренне уже смирился с вхождением в состав Союза ССР территорий, присоединенных к нему в 1939-1940 гг., за исключением некоторых участков границы, которые он считал пока спорными. Так, во время визита А. Идена в Вашингтон в марте 1943 года он недвусмысленно высказался за то, чтобы Бессарабия оставалась в составе СССР, а восточная граница Польши проходила по линии Керзона. Рузвельт сказал также, что придется согласиться с воссоединением балтийских государств с Россией, но это согласие следует использовать как объект торговли, чтобы добиться от России уступок по другим вопросам.¹⁷ Президент не уточнял, какие именно вопросы он имел в виду, но из дальнейшего развития событий хорошо видно, что они касались, прежде всего, территорий и политических режимов в Германии, а также в Польше и других государствах Восточной Европы. Большие надежды президент возлагал также и на будущее участие России в войне против Японии.

Анализ динамики отношения Рузвельта к вопросу о восстановлении довоенных границ СССР наглядно показывает, как тесно его позиция была связана с боевыми действиями на Восточном фронте. После разгрома немецких войск на Курской дуге суждения Рузвельта о потенциале СССР стали еще более определенными. В разговоре с кардиналом Спеллманом, с которым он был в довольно доверительных отношениях, президент сказал, что после войны Россия будет «доминировать в Европе». «США и Великобритания не смогут воевать против России... Русские выпускают так много военной продукции, что американская помощь, за исключением разве что грузовиков, представляется незначительной». Президент выразил надежду, что наступление советских войск через Европу не будет слишком

разрушительным для европейских стран. Но самое главное, он решился уже на этом этапе войны не тянуть с разделом сфер влияния в послевоенном мире и договориться о зонах ответственности будущих победителей. Согласно его слов, мир мог бы быть поделен следующим образом: «Китай получает Дальний Восток, США – регион Тихого океана, Британия и Россия – Европу и Африку. Но поскольку Великобритания будет, прежде всего, занята своими колониями, то можно предположить, что интересы СССР в Европе будут доминирующими»¹⁸.

В этих высказываниях четко просматривается тенденция обеспечить контроль над безопасностью планеты по региональному принципу. Другими словами, в расчетах Рузвельта присутствовали конкретные зоны влияния со своими четырьмя «полицейскими». Президент говорил и о «доминирующем» влиянии СССР в Европе, из чего можно заключить, что, будучи достаточно практичным политиком, он не мог не понимать, насколько сильными стали позиции СССР. Мощь, проявленная Красной Армией в зимней и летней кампаниях 1943 года, была впечатляющей и она, безусловно, влияла на суждения и расчеты президента – он здраво учитывал силу Советского Союза и сравнивал ее с возможностями самих США, Великобритании и Китая. Послевоенное устройство Европы в силу тех же причин ставилось во многом в зависимость от конкретного развития обстановки на главном фронте Второй мировой войны – советско-германском. Практические шаги по разрешению послевоенных вопросов между лидерами ведущих держав Антигитлеровской коалиции были предприняты уже вскоре на Тегеранской конференции 1943 г., а затем в Крыму и Потсдаме в 1945 г.

¹ Report by the Joint Intelligence Sub-Committee («The Capacity of the Soviet Forces to Defend South Caucasian»), November 14, 1942. – NA. RG 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 214.

² Цит. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2-х т. Пер. с англ. М.: Изд. иностр. лит., 1958. С. 282-285.

³ Там же. С. 282.

⁴ My Dear Mr. Stalin. The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin/ Ed.,

with comment. by S. Butler. Foreword by A. Schlesinger, Jr. New Haven and L.: Yale Univ. Press, 2005. P. 101

⁵ Ibid. P. 102.

⁶ Radio Bulletin N 6, Washington, D.C., January 7, 1943. – US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers (Далее: WAHP). Chronological file (далее – CF). Cont. 163.

⁷ Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939-1945, Talks with F.D.R. – US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG 59. Entry 498. Box 54.

⁸ McCauley M. The Origins of the Cold War, 1941-1949. 3rd Ed. L., N.Y.: Addison-Wesley, 2003. P. 16.

⁹ Ibid. P. 17.

¹⁰ McIntire R., Creel G. White House Physician. N.Y.: G.P. Putnam's sons, 1946. P. 171

¹¹ Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939-1945, Talks with F.D.R. – NA. RG 59. Entry 498. Box 54.

¹² Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941 - 1945 гг. В 2-х т. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1986. Т. 1. С. 102-104.

¹³ Wartime Washington: The Secret OSS Journal of James Grafton Rogers, 1942-1943. / ed. T. Troy. Frederick, Md: University Publ. of America, 1987. P. 121-122, 157.

¹⁴ Leshuk L. Op. cit. P. 163, 170.

¹⁵ Из выступления профессора Университета Огаста (Джорджия) Х. Ван Тулла на круглом столе в Институте всеобщей истории РАН «Ленд-лиз в годы второй мировой войны», 14 апреля 2005 г.

¹⁶ Report «Strategy and Policy: Can America and Russia Cooperate», August 20, 1943. Attachment to G. Robinson to A. Harriman, September 15, 1943. – WAHP. CF. Cont. 164.

¹⁷ Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. М.: Новина, 2000. С. 166.

¹⁸ Gannon Robert I. The Cardinal Spellman Story. N.Y.: Doublday, 1962. P. 222-224.